

На соискание Государственной премии СССР

МАСТЕР РЕЖИССУРЫ

Его без сомнения можно назвать счастливым художником сцены, причислить к тем баловням театра, для которых искусство оказалось не злой мачехой, а матерью, щедро дарящей радость творческих завоеваний.

Сколько раз, однако, мне приходилось видеть этого уверенного в себе и удивительно удачливого в глазах его многих коллег человека в минуты душевного непокоя! Вспыхивают огни рампы, гаснет свет в зале, спектакль обретает свою жизнь, свое течение, а он где-то в глубине ложи остается наедине со своим извечным сомнением, напоминая насильственно отлученного от играющего оркестра дирижера. И даже самые бурные аплодисменты после представления, искренние поздравления не рассеивают до конца внутреннюю неудовлетворенность. С только что завоеванной ступени «власти над зрителем» вдруг неотвратимым образом видится невыявленное, слышится недосказанное, невыявленное и недосказанное им самим, актерами, театром.

Есть еще дни, недели, а порой и долгие месяцы создания спектакля, есть иначе жизнь режиссера. Жизнь, когда каждое утро приносит новые заботы, волнения, когда каждая полная эмоциональной отдачи репетиция ставит множество задач, требующих непременно оригинального решения, когда постановщик обязан зажесть труппу свежей мыслью, увлечь ее, воспламенить своим замыслом, дать исполнителям «искру огня» ролей, увлечь своим темперамен-

том, стремлением, вдохновением. Все же и в том счастливом парадоксе сомнения выявляется подлинно творческая натура режиссера, без чего нет залетов роста, без чего искусство всегда отсвечивает фальшивой позолотой.

Рачия Капаланян принадлежит к тем мастерам, кто относится к театру как к искусству неисчерпаемых возможностей и кто в постоянном поиске этих возможностей художественно совершенного отображения жизни видит высокую миссию режиссера. Совсем не случайно поэтому, что знающих его хорошо поражает в нем прежде всего неутомимость поиска и верность родному искусству, впечатление от общения с ним даже такое, что всюду, в атмосфере любых жизненных дел его естественное состояние — соотносить, соизмерять все увиденное, все свершаемое вокруг со сценой, с тем завтрашним спектаклем, идеями которого он уже полностью захвачен сегодня.

Для Капаланяна театр всегда трибуна выражения больших идей времени. Среди множества созданных им спектаклей выделяются как раз те, где высокий романтический полет обретают мотивы советского патриотизма и гуманизма, затрагиваются общественные проблемы, исследуются во всей сложности человеческие взаимоотношения, богатый духовный мир нашего современника. Они отличаются четкой направленностью, свежестью поворотов тематики и, как правило, оригинальностью об-

разного строя, тонкой разработкой, созвучностью всех компонентов «партитуры» спектакля.

Этими качествами выделяются его постановки последних лет и в частности, «Семь станций» и «Любовь и смех». Работы яркие, развернутые, масштабные по творческим задачам, ставшие заметным явлением в нашем сценическом искусстве. Именно за эти спектакли Рачия Капаланян выдвинут на соискание Государственной премии СССР.

Спектакль «Семь станций» создан на основе лучших произведений Сильвы Капутикян. Театр не случайно обратился к творчеству поэтессы. Ее многие стихотворения отличаются философскими обобщениями, проникновением в сложные сферы духовной жизни, пронизаны живым чувством истории и яркой гражданственностью.

Высокое поэтическое качество стихов Капутикян и их глубокое содержание, разумеется, во многом предопределили успех спектакля. Все же Капаланян шел на большой риск. Постановка могла превратиться в театрализованый вечер поэзии. Собственно некоторые и предвлекали такой «исход» привлекальному замыслу режиссера. Но вот, казалось, никак несвязуемые произведения самым неожиданным образом в спектакле выстроились в цельное лирическое повествование.

Словно перелистывая страницы книги, театр через взволнованный голос лирического героя поэтессы ведет образное повествование о возрожденной Арме-

нии, ее социально-исторических завоеваниях, красоте внутреннего мира наших людей. Патристическая тема одна из основных в спектакле, она переплетается с темами братства советских народов, самоотверженного труда в строительстве новой жизни. Завершается постановка строфами из поэмы «Раздумья на полпути». Этим впечатляющим финальным аккордом вновь акцентируется основная идея спектакля, его лейтмотив: «Ты так живи! Ты так живешь, народ!».

Как невозможно передать всю прелесть поэтического произведения прозой, так и непередаваемо самым точным пересказом все эмоциональное богатство красок этого спектакля, сила его воздействия. В нем Капаланян, пожалуй, как ни в одной из своих прежних работ, постигает тайну «драматургии эмоций», доступную лишь тонким художникам. Именно благодаря этому постановка с такой условной сюжетной композицией обретает внутреннюю стройность и развитие.

Вызванная к жизни литературным материалом выразительная сценическая форма спектакля — «театр поэзии» — привлекательна еще и тем, что она придает особую пластичность движению мысли и чувства. Во многих спектаклях Капаланян можно заметить особое внимание режиссера к пластическим решениям сцен как к одному из важных выразительных средств. Однажды он даже попытался возвести его в ранг основного принципа построения всей постановки («Ануш»). И, вероя-

но, не будь этих поисков, экспериментов, он не добился бы в «Семи станциях» столь ощутимых результатов, такой удивительной гармонии внешнего рисунка образов с их внутренней сущностью.

Своей постановкой Капаланян не только обогатил современный репертуар театра спектаклем большой темы, большого эмоционального накала, но и убедительно показал огромные возможности и перспективность «театра поэзии».

Таким же характером поисков ценен и спектакль «Любовь и смех», хотя он и не имеет никаких точек соприкосновения ни в тематическом, ни в жанровом отношении с «Семью станциями». Режиссеру и тут удалось найти свежую сценическую форму воплощения авторской идеи. Спектакль подобен летящей веселой песне. Стремительность ритма, изысканная пластичность в сочетании с элементами буффонады, сквозные танцевальные номера, красочное оформление, музыка — в мажорском слове — придает представлению неповторимое своеобразие. И тут, вспомнив знаменитый вахтанговский наезд, можем с полным правом сказать, что здесь все театрально.

Созданная из отрывков известных произведений Ереванского театра постановка отличается своей сатирической направленностью. Вичуя нравы современного ему общества, глупость и ханжество, стремление достичь всего при помощи денег, писатель в то же время направлял остроту своей сатиры против «аляфранкства», низкопоклонства перед всем иностранным и нигилистического отрицания собственных национальных ценностей. Сильного эффекта драматург достигает тем, что смешную, комедийную сторону поро-

ка он с большим искусством выявляет раскрытием противоречий в характерах и поступках героев.

Творческий принцип писателя, взятый театром в основу постановки, позволил соединить в увлекательном сюжете прекрасные куски отяновских произведений и создать яркую комедию характеров. Такое определение верно, конечно, при очень строгой классификации. Внесенное постановщиком в известной мере расширяет наше представление о жанре. Режиссерская мозаика «разнородных» выразительных средств оставляет яркое впечатление своей комедийной тональностью и оказывается в высшей степени созвучной блистательному отяновскому юмору, каламбурам и остротам, строю диалогов.

Говорят, сколько режиссеров, столько и творческих индивидуальностей. Это, конечно, в идеале. Ярких, талантливых личностей в режиссуре всегда единицы. Но именно они-то и определяют ее сегодняшний уровень. Режиссура лучших работ Капаланяна — то новое качество в нашем режиссерском искусстве, в котором ярко сочетаются лучшие традиции национального театра и современного сценического языка.

Прекрасным воплощением этого качества являются образный строй и стилистика постановок «Любовь и смех», «Семь станций». Не в меньшей, а, может, в большей степени, чем они, об успешных поисках в области стилистики современного театра свидетельствуют «Каменный хозяин» и самые последние его работы — «Затюканный апостол» и «Ричард III». Спектакли очень значительные своей режиссурой и опять же говорящие о неистощимости творческой фантазии и поисков Капаланяна. И, наверное, для

полноты характеристики творческого облика режиссера следовало бы на них остановиться особо, тем более, что сильные впечатления, полученные от них, еще не остыли. Но это не портрет, и рамки обычной рецензии отклика были нарушены здесь лишь потому, что такие высокие премии, думается, присуждаются не без учета всей значимости творчества художника.

Вспомним, как мы часто Ереванский драматический театр называем театром Капаланяна. И он на самом деле есть театр Капаланяна по рождению, по творческому духу, энергии, темпераменту. Созданный на основе студии, он за неполные пять лет вырос в творческий организм, чьи работы сегодня нас волнуют, нередко вызывают в нас желания поспорить. Не в этом развее выражается значимость творчества художника?

Мало, очень мало, будем откровенны, появляются пока на наших сценах спектакли, которые, увидев раз или два, захотелось бы вновь посмотреть. Некоторые постановки Ереванского драматического театра и особенно такая жизнеутраченная, как «Любовь и смех», в числе немногих исключений.

Приятно, что в зале театра всегда преобладает молодежь. Чуткая к новизне, не терпящая безвкусицы и фальши. Коллектив знает и отлично чувствует это, он во многом ориентируется на нее старается быть ее близким другом. А как не легка жизнь в искусстве с такой сверхзадачей и как прекрасна! Быть с самыми энергичными, молодыми — значит самому быть таким. И театру, живущему в тихом ереванском переулке кипучей творческой жизнью, — не стареть, не стареть и таланту Рачия Никитича Капаланяна.

Г. ЛАЛАНЦ.